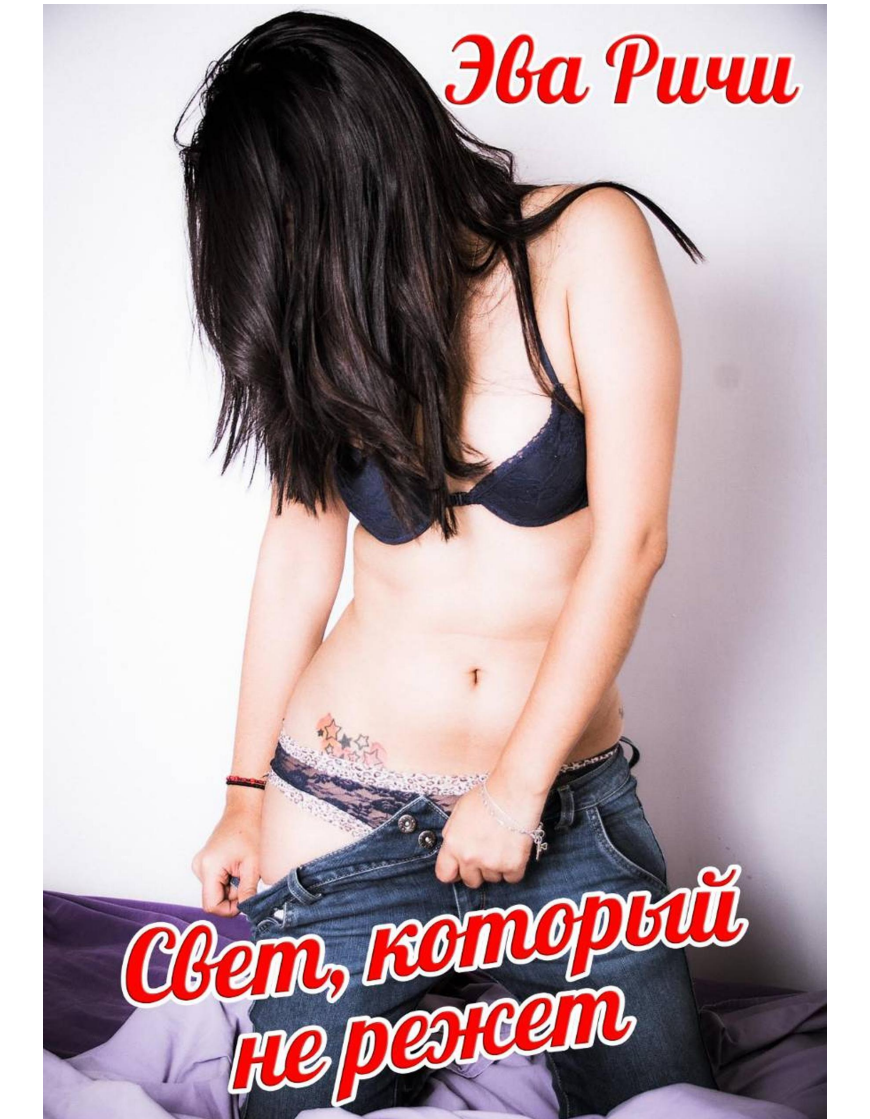

Эва Ричи

*Свет, который
не режет*

Эва Ричи

Свет, который не режет

<https://litres.ru/74666093>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лея устала быть «удобной» моделью: улыбаться по команде, замирать в позе, прятать усталость за идеальной картинкой. Одна съёмка в полупустой студии меняет всё. Фотограф Тео не просит её быть красивой – он просит быть настоящей. Под ровный шум океана, в тёплом свете и тонком запахе лаванды Лея впервые чувствует, что её не оценивают, а замечают. И когда съёмка заканчивается, между ними остаётся не каталог, а возможность: встретиться снова, без спешки, без ассистентов, без брони. История о том, как доверие собирается из пауз, света и одного маленького, но очень важного разрешения – быть неидеальной.

Эва Ричи

Свет, который не режет

Студия пахла пылью, металлом и чем-то едва уловимым, что Лея не могла назвать. Она стояла под вспышками, которые били по глазам, как удары. Каждый импульс – будто щелчок затвора по нервам.

– Ещё раз, Лея, пожалуйста. Плечи чуть назад, подбородок выше.

Голос ассистента звучал ровно, но в нём уже сквозила усталость. Ассистенты крутились вокруг, меняли насадки, щёлкали, переставляли отражатели. В этом мельтешении Лея чувствовала себя вещь: её двигали, поворачивали, просили «улыбнуться, но не слишком», «быть естественной, но по команде».

Вспышка. Щёлк. Вспышка. Щёлк.

Она стиснула зубы.

– Я не могу, – сказала она, и собственный голос прозвучал чужим, слишком громким в этом металлическом пространстве. – Я не вижу себя. Я вижу только блики.

Тео стоял у камеры, не поднимая глаз. Он не торопился с ответом. Потом медленно опустил камеру, будто давая ей право на паузу.

– Хорошо, – сказал он. – Стоп.

Ассистенты замерли.

– Уберите импульсный свет, – спокойно произнёс Тео. – И соберите стойки. На сегодня хватит каталога.

Лея смотрела на него, не понимая.

– Но дедлайн... – начал один из ассистентов.

– Дедлайн не умрёт, если мы сделаем перерыв, – отрезал Тео. – Соберите оборудование. И оставьте нас.

Они переглянулись, но спорить не стали. Через несколько минут в студии стало тише, только металл позвякивал в чехлах. Дверь хлопнула. Они остались вдвоём.

Тео подошёл к панели и щёлкнул выключателем. Резкие вспышки погасли, и на их место пришёл другой свет – тёплый, плотный, будто накинутый сверху плед. LED-лампы с температурой 3000 К залили пространство мягким золотистым свечением. Свет больше не резал, он обволакивал, ложился на кожу, как тёплая пена.

Лея выдохнула, впервые за вечер.

Тео посмотрел на полку, где стоял керамический диффузор с сухими соцветиями лаванды. Он протянул руку, повернул регулятор – и в воздухе поплыл тонкий, спокойный запах. Лаванда легла на бетон и металл, как тихая нота на грубую мелодию пространства.

Ещё одно движение – и из колонок тихо, низко, ровно полился шум океана. Не грохот прибоя, а глубокий гул, будто где-то далеко катились волны, не спеша, без ярости. Этот звук не требовал внимания – он просто заполнял пустоту, съедал эхо пустого помещения, делал тишину не звенящей,

а живой.

– Дыши, – тихо сказал Тео, не глядя на неё. – В такт волне. Не для кадра. Просто дыши.

Лея закрыла глаза. Шум океана накрыл её, как прилив. Запах лаванды стал частью её дыхания. Свет лёг на плечи, тёплый и тяжёлый, как прикосновение.

И впервые за весь вечер она перестала быть «кадром».

Лея стояла посреди студии, будто не знала, куда деть себя в этой новой тишине. Без вспышек, без команд, без мельтешения ассистентов пространство стало слишком большим. Оно будто ждало, что она сделает хоть один настоящий шаг – не по команде, а от себя.

Она опустила плечи, и это движение вышло почти виноватым, будто она боялась, что расслабление сочтут ленью. Джинсы сползли на бёдра, поясница зябко коснулась холодного металла подиума, когда она села на край. Руки она сжала, чтобы не дрожали.

– Не прячь их, – тихо сказал Тео.

Лея подняла глаза. Он не смотрел в видеоискатель. Он смотрел на неё. Без спешки. Без оценки.

– Что?

– Руки. Ты их сжимаешь, будто боишься, что их у тебя отберут.

Она хотела ответить колкостью – привычный щит, который всегда срабатывал на съёмках. Но слова застряли: шум

океана накатывал ровно, низко, и в этом ритме не было места для резких фраз. Она разжала пальцы, и они повисли, тяжёлые от усталости.

Тео подошёл к софтбоксу и чуть повернул его. Свет сдвинулся, лёг на её плечо тёплой полосой, а на стене за ней задрожала мягкая тень. Он сделал ещё одно движение – переместил второй источник, чтобы заполнить резкие провалы теней. Теперь свет не требовал от неё быть «идеальной». Он будто приглашал её быть просто настоящей.

– Дыши в такт волне, – повторил он, не повышая голоса. – Не для кадра. Просто почувствуй.

И она почувствовала.

Сначала – запах. Лаванда. Тонкий, спокойный, без сладости, почти сухой, как трава в конце лета. Он не перебивал бетон и металл, он ложился поверх них, как тонкая ткань, смягчая грубость пространства. Лея втянула воздух и вдруг поняла, что впервые за вечер не чувствует напряжения в горле.

Океан гудел ровно, как пульс большого, спокойного существа. Этот звук не просил внимания, он просто был – и заполнял пустоту, которую раньше занимали чужие команды. Каждые несколько секунд из трубы в углу студии капала вода: кап... кап... – и этот редкий, одинокий звук не мешал океану, а подчёркивал его глубину.

– Я устала притворяться, что мне это нравится, – сказала Лея, сама не ожидая, что скажет это вслух. – Я устала быть

«красивой по списку».

Тео не стал её успокаивать дежурными фразами. Он просто кивнул, будто слышал самое важное.

– Тогда не будь. Пусть сегодня ты будешь не «для каталога». Пусть ты будешь для света.

Он подошёл к полке, где лежал рулон фиолетовой ткани. Ткань была тяжёлой, с матовой текстурой, и когда он встряхнул её, она легла на пол не ровно, а складками – как волны, только застывшие.

– Сядь здесь, – он указал на край ткани. – Не позируй. Просто будь.

Лея помедлила. Потом встала, подошла и села на край фиолетовой складки. Ткань оказалась прохладнее, чем она ожидала, и этот холод приятно отрезвил. Она опустила голову, и волосы упали вперёд, закрыв лицо. Это было стыдно и одновременно свободно: спрятаться за волосами, зная, что никто не будет требовать улыбки.

Тео отошёл к камере, но не поднял её сразу. Он смотрел не в видеоискатель, а на неё – так, будто пытался запомнить не позу, а эмоцию. Потом тихо щёлкнул кнопкой, и на стене появилась новая тень – мягкая, текучая, без резких углов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.